

Письма отцу и сестре 1777--1778 годов

Из книги "Письма русских писателей XVIII века". Л., Наука, 1980. Стр. 259-377. Публикация [Л. И. Кулаковой] и В. А. Западова
"Im Werden Verlag". Некоммерческое электронное издание. 2007
Оригинал здесь -- <http://imwerden.de>

8 мая 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Развертывая сие письмо, вы изволите угадать половину его содержания, а половину нет. Что я в Москве, это правда. Но в которой горнице сию?.. наперед узнаю, что неправда. Я живу у Петра Семеновича,¹ в задней горнице, и постеля моя на лежанке, довольно высокой. Весь дом переделан и так хорош, как игрушка. Ежели бы я хотел доказать, что в своем слове прав, я бы еще предложил вам нечто. Например: о чем я теперь говорю? Пряжкой ли вы изволите парик застегивать или завязкой. Передо мной стоит парукмахер ген<ерала> Афросимова, который поговорить не любит и просит за оба парика, последнее слово, четырнадцать рублей. Но чтобы перестать врать, так я пойду опять назад и начну снова. Вы изволили видеть, как я поехал. Невступно в 12 часов примчался я в Городню, чтоб разбудить трех мужичков, которым и в голову не впадало, что мне надобно ехать в Москву. Староста ямщицкий не любит, чтоб его будили, и взял с нас пеню за то, что рано встал, но я хотел бы найти кого-нибудь для любопытства, кто бы заснул с городнецким ямщиком. Это все рассказывать весьма нужно, но, еще я думаю, и забавно столько ж. В одиннадцать часов езды пробежал я сто верст. Но тут потише. На двух последующих станциях не нашел лошадей. Кое-как вымоля, бранью взял и мало толику палкой. А с Черной грязи ехал без ямщика, для того что он убежал в лес. -- В самое сие время прогремел здесь гром. Все утро лил сильный дождь. А вот и еще дождь, а я хотел ехать обедать к Майкову.² -- Сильный гром. Льет величайший дождь, остался я. Дождь отнимает силы писать.

Где я эдак переучился врать? Мне много писать важного, а я мелю чепуху. Вы не изволите знать, что дядюшка Матвей Артемонович меньшой³ здесь. Я у него ночевал и теперь только домой пришел. Он очень опечален, в Суздале весь распродался и едет налегке. Отправится в Тверь, конче, завтра. Нынешний день кушает у Федосьи Алек-сеевны,⁴ а я у ней обедал вчерась. Она-то мне и сказала об нем. Федосья Алексеевна кланяется как вам, так и сестрице. И она также не очень весела. А дядюшка живет в доме Киреевского,⁵ зятя сестры Федосьи Алексеевны. Он немножко раздражен на Ивана Матвеевича⁶ и, как кажется мне, хочет скрыть свою скуку, но не может. Ко мне очень ласков. Здесь купил карету в 120 р. и едет на своих.

С университетскими всеми виделся, которыми также обласкан. В субботу был в Собрании⁷, где читал свою диссертацию⁸ и еще оды. Все сие так, как и две прежние пиесы, будет внесено в четвертую часть, которая еще не напечатана. Диссертацию, что касается до содержания и расположения, главная часть сочинения, ни словом не критиковали. Все касалось до риторического выражения мыслей и свойства языка. Некоторые им казались немножко новы и смелы. Но как это скрыть в стихах? В одах не заметили они ни одного слова или мысли, которая бы была им странна. Куратор⁹ был ими тронут и сказал мне, что я имею дар в лирическом. Он также благодарил меня вообще за пиесы. И просили, что ежели есть у меня еще из Горация переведенные, чтоб я им их сообщил. Тверскую историю также отдал, и она теперь у Миллера. Они думают ее напечатать особо с Чигиринским походом.¹⁰ Всего смешнее, как дело зашло о Ломоносове, и Мелиссино доказывал Миллеру, что он отнюдь не занимал у Гинтера,